Автор: Тимофеева Е. (Россия)

«Есть радость в сумасшествии самом,

она лишь сумасшедшему известна».

Джон Драйден

Достоевский говорил: «причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем». Я думаю, с этим утверждением согласилось бы большинство терапевтов, напротив которых сидел ходя бы один их клиент. Причины действий, из которых складывается вся жизнь человеческая, невообразимо разнообразны, и для того, чтобы найти ту самую, которая послужила тем пригорком, на котором спотыкается наш клиент, приходится прожить с ним не одну терапевтическую сессию. И вот может так случится, что всматриваясь, вглядываясь, идя вместе, забегая назад и всматриваясь в детали, видя картину в целом, мы, наконец, смутно, а иногда и ярко вдруг понимаем, что эта самая картина жизни нам что-то напоминает... И тут на помощь нам приходит... книга, или фильм, или стихотворение... или что-то еще.

А. пришла ко мне по чьей-то рекомендации. Ей в то время было около тридцати лет. Говорила немного, но, казалось, по существу. О де¬прес¬сии, о нежелании жить, о том,

что мучает ее что-то, радоваться жизни она не может, ничто не приносит удовольствия. А вроде бы все и хорошо в жизни, работа любимая есть, отдельное жилье. Замуж она не хочет, и да детей не хочет. В общем-то, семья не для нее. А пустота отчего-то. А иногда и злость накатывает. Но это даже и хорошо, в работе помогает, только благодаря злости она чего-то добивается, смело, гордо подняв голову идет вверх по карьерной лестнице. Людей не любит, друзей мало, но это и не особенно надо. Попыток самоубийства не было, но иногда так хочется, сил нет, но... как-то не гоже такой вот так просто взять и уйти, показать свою трусость и сдаться.

Ходили мы с ней, ходили кругами, ощущение было странное, что-то здесь было явно не то. Один раз она пришла особенно расстроенная, срывающимся голосом рассказала о том, что одна из коллег ее проигнорировала, а затем даже надавила на нее, видя, что А. была как-то особенно уязвима. А. восприняла это как совершенное предательство, злилась, вместе с тем обижалась, ничего ей не ответила и даже не показала виду, гордость не дала... В этот момент я почувствовала, что мы как-то очень близки к какой-то сути. Ситуация явно была значима для А., если вызвала такую бурю эмоций и такое отреагирование, которых доселе я у нее не видела. До тех пор на консультациях она говорила ровным голосом, не плакала, спокойно рассуждала. Задав несколько вопросов, в том числе поинтересовавшись, не напоминает ли ей эта ситуация что-то из ее жизни, я наконец получила ответ. А. вспомнила, ну или, можно так сказать, встретилась лицом к лицу с тем опытом, который так усиленно пыталась забыть. Его действительно не было в ее сознании до того момента, когда он вдруг всплыл перед ней. Она вспомнила насилие, совершенное над ней в детстве, когда ей было шесть лет. Тогда она пришла к матери для защиты, но не получила ее. Мать кричала и обвиняла в том, что А. ее обманывает, говорила, что это неправда, а потом не разговаривала с ней несколько дней, просто ее игнорируя. Об этом они больше никогда не говорили. А. замкнулась в себе и предпочла забыть. А. чувствовала боль, скорее физическую, но на уровне каких-то ощущений она понимала, что то, что с ней сделали, было неправильно, неприятно, отвратительно и больно, неприемлемо. Она не могла себя никак защитить; единственный человек, у которого она могла попросить защиты в свои шесть лет, была мать, но защиты она так и не получила. От этого у А. появилось ощущение, что она «не такая», что она «плохая», что не достойна, что не может просить помощи, так как виновата, ее словам никто не верит, и слова не стоят того, чтобы верить в них. Чувство злости, обиды, горечи почти душили ее. Слезы катились градом по лицу при этих воспоминаниях.

Игнорирование ее этой женщиной-коллегой напомнило ей мать, которая поступила подобным образом.

Но в русской литературе оказалось все уже давно описано. История А. отдаленно напоминала жизнь героини романа Достоевского Настасьи Филипповны. Сходство, конечно, не стопроцентное, но что-то явно было. Предлагаю вам вспомнить и сопоставить жизни двух этих женщин...

Мы знакомимся с Настасьей Филипповной на первых страницах романа Достоевского, еще в поезде и заочно. «Настасья Филипповна есть Барашкова, так сказать даже знатная барыня, и тоже в своем роде княжна, а знается с некоим Тоцким...». Князь Мышкин, глядя на портрет этой женщины, говорит: «Удивительное лицо!.. и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза ее говорят... Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» Мышкин уверен: была бы добра, все было бы спасено. Но давайте вглядимся в жизнь этой молодой женщины.

История Настасьи Филипповны не проста. Будучи семи лет отроду, Настасья Филипповна лишилась матери, которая сгорела в их доме, а затем и отца, который, не выдержав удара судьбы, сошел с ума, а через месяц помер в горячке. Настю с ее сестрой взял к себе на иждивение знакомый отца Афанасий Иванович Тоцкий. Вскоре от болезни скончалась и сестра Насти. Девочка оказалась в чужом доме наедине сама с собой и детьми управляющего Афанасия Ивановича. Можно себе представить горечь потерь и одиночества, которые пришлось пережить маленькой Насте. Тоцкий в поместье долго не появлялся, но, «лет пять спустя», то есть примерно когда Настасье Филипповне исполнилось двенадцать лет, он вернулся и обнаружил у себя дома прелестную девочку. Знаток женской красоты, Тоцкий безошибочно вычислил будущую женскую красоту Настасьи Филипповны. Когда Настасье Филипповне исполнилось

шестнадцать лет, воспитание закончилось, и ее переселили в тихий домик. Затем пожаловал и сам Тоцкий, который оставался все чаще и дольше у Настасьи Филипповны. Так продолжалось еще четыре года. Тоцкий поступает совершенно по-хозяйски, распоряжаясь судьбой беззащитной девочки, у которой нет никого, кто бы мог ее защитить. Настя при этом должна подчиняться всем прихотям Тоцкого. У Настасьи Филипповны не было права выбора, за нее все решали, она жила не своей жизнью, а той, которую ей предписал Афанасий Иванович, решив воспитать себе женщину по своим меркам. Человеческая психика имеет особенность адаптироваться к самым тяжелым обстоятельствам жизни, даже если человек находится в них в течение долгого времени. Можно предположить, что Настасья Филипповна адаптировалась к условиям, в которых оказалась. Поведение ее, как и любой адаптировавшейся жертвы, было кротким и послушным перед подавляющим влиянием взрослого мужчины, от которого зависела ее судьба.

Насильник А. жил по-соседству, она встречала его каждый день, он был вхож в дом ее семьи. После случившегося мать А., как будто бы устыдившись за дочь, а также желая что-то кому-то доказать, стала чаще и чаще приглашать его в гости. Для А. эти визиты были страшны, но с течением времени девочка как бы смирилась с происходящим и, будто бы поверив в то, что так и должно быть, больше не плакала при матери и уж точно ничем с ней не делилась. Признаков раскаяния с другой стороны никогда не последовало. Став старше, А. просто никогда больше не появлялась в том доме, но от матери узнала однажды, что сосед умер. Тема была всегда закрыта в этой семье, о ней больше никогда с того одного раза не упоминалось, она просто жила где-то глубоко внутри А. В подростковом возрасте А. перепробовала все, включая алкоголь, наркотики, сбегала из дому, попадала в милицию за кражи. Мать не могла ее контролировать.

Проследим же дальше за Настасьей Филипповной. Нагрянули перемены, и Тоцкий, живший, по всей видимости, своей совершенно свободной жизнью, в свои пятьдесят пять решил «жениться на красавице, на богатой, на знатной», делая «солидную и блестящую партию». «В судьбе Настасьи Филипповны... произошел с этого времени чрезвычайный поворот. Она вдруг высказала необыкновенную решимость и обнаружила самый неожиданный характер. Долго не думая, она бросила свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому». Перемены вызвали в ней целую бурю эмоций. Смесь разных чувств, видимо, было настолько сильна, что она одна, не думая,

вырвалась из деревни и поехала прямиком к своему обидчику. В эту встречу Тоцкий впервые увидел совершенно другую женщину: «Пред ним сидела совершенно другая женщина, нисколько не похожая на ту, которую он знал доселе и оставил всего только в июле месяце, в сельце Отрадном». Можно сказать, что Настасья Филипповна тут для себя решила, что Тоцкому все это так просто с рук не сойдет. Она уже тут принимает решение, возникает мысль о мести, о возмездии.

Хотела бы А. отомстить? Да. Хотела бы, чтобы он горел в аду. Злость переполняет ее, да и не только злость. Это целая смесь чувств. В этой смеси и боль, и разочарование, и стыд, и чувство вины, и безразличие, и желание возмездия как установления справедливости. Справедливость в данном случае — как то детское чувство, когда ребенок верит в добро и зло. Там нет серого цвета, того, что между. Есть вера, что злодей в сказках получает по заслугам, а герой сказки (обязательно добрый человек) в конце будет счастлив. Тут же, когда в жизнь врывается что-то такое, что рушит и обрывает все детские убеждения, на этом месте образуется рана. Та пустота, которая всегда будет. Только вот встает вопрос, как с этим жить дальше. Простить? Обидчик просить прощения и не собирался, да и он умер вовсе...

В жизни А. был один мужчина. В тех отношениях страсти кипели такие, что едва ей жизни не стоили. Любовь большая, но ни к чему хорошему не привела. А. после очередного боя просто собрала вещи и ушла. Не переживала, только злость душила ее: «Да как он посмел поднять на меня руку? Жить со мной он не достоин. И этот в аду сгорит». Жажда мести переполняла ее. Затем подвернулся еще один. Полная противоположность первому, добрый, способный любить. Ей было его так жалко, он детей хотел. А она нет. При мысли о детях она жутко раздражалась. Да и зачем? Она в этой жизни явно несчастлива, зачем еще и детей заставлять мучится. Ведь кругом ничего хорошего, а оградить своего ребенка от бед явно не получится. Вот мужчина этот — да, слишком хорош, она его явно не заслуживает. Но странные чувства все же переполняли ее. Вроде бы и хотелось окунуться в теплую, уютную семейную жизнь с ним, но почему-то не могла она себе этого позволить. На время вроде бы получалось, но потом как пружиной оттягивало назад. На момент консультации она пока оставалась с ним, хотя была близка к разрыву.

Вспомним, ведь у Настасьи Филипповны тоже есть два мужчины: Рогожин и Мышкин. Настасья Филипповна мечется от одного к другому. Невозможность расстаться с чувством обиды, унижения, выйти на другой уровень и избрать новый путь порождает чувство презрения к себе. Она просто не может быть с князем, она считает, что не достойна счастья, что она заслуживает высшей меры наказания, полагает, что погубит князя. Оно и верно — ведь Настасья Филипповна не способна на близость, не осуществив прощения, не смирив гордыню, не расставшись с чувством собственной трагичности и Тоцким, который ее обесчестил. Настасья Филипповна получает некоторое странное наслаждение от страданий, обиды и самоуничижения. Она находится все время где-то между своими поступками и желаниями; эта раздвоенность и приводит к амбивалентности в поведении, которую замечаем не только мы, но и другие персонажи романа. Настасья Филипповна торопила свадьбу, князь подчинился, но из-под венца невеста сбежала — бросилась опять к Рогожину с криком «Спаси меня!» Она бежала прямо на «нож» и знала это. Поведение Настасьи Филипповны метафорически иллюстрируют слова Птицына, обращенные к Тоцкому в финале сцены дня рождения Настасьи Филипповны: «Знаете, Афанасий Иванович, это, как говорят, у японцев в этом роде бывает... обиженный там будто бы идет к обидчику и говорит ему: “ты меня обидел, за это я пришел распороть в твоих глазах свой живот”, и с этими словами действительно распарывает в глазах обидчика свой живот и чувствует, должно быть, чрезвычайное удовлетворение, точно и в самом деле отмстил. Странные бывают на свете характеры, Афанасий Иванович!» По сути Настасья Филипповна, сбежав к Рогожину, совершает самоубийство и тем самым — как у японцев — отмщение. Выбрав вместо пути «добра» прощения — сумасшествие и самоубийство.

Но был же момент, когда она желала воскреснуть, по словам Достоевского, «не в любви, так в семействе, осознав новую цель». Вот она появляется в доме Ганечки. Что чувствует она, войдя в этот дом? Она смеется и, как отмечает Достоевский, «маскируется веселостью». При этом голос ее громкий, она кричит в лицо Гане. Что же она маскирует? Тревогу? Страх? Есть ли там надежда на что-то? Конечно, она чувствует отношение Гани, который относится к ней с предубеждением. Он ждет от нее оскорблений, он подозревает, что «у ней есть своя цель». В этой сцене впервые она знакомится с князем Мышкиным. По сути, это единственный человек, который принимает ее, не ждет от нее подвоха, не осуждает, он говорит искренне. Настасья Филипповна смотрит на него «с любопытством, но уже не смеясь».

Здесь, в этом доме, она становится свидетелем сцены, в которой Мышкин защищает Варю, а потом получает пощечину от Гани. Князю тяжело в данный момент, он отворачивается лицом к стене. Настасья Филипповна поражена, лицо ее озарилось каким-то новым чувством. Она увидела настоящий мужской поступок. Мужчина защитил женщину, Мышкин спас честь Вари. Что же она там увидела? Что это для нее? Для женщины с ее судьбой, с тем ее опытом, который включает совращение каким-то старым мужиком. При том, что ее, ее честь ведь никогда никто не защищал. В то время, когда над ней издевались, не нашлось такого же мужчины (в случае с А. защитников у нее рядом не оказалось), который отвел бы от нее это действие, которое приносило столько боли. Может ли Настасья Филипповна сделать что-то в данный момент для князя? Вот это вопрос. Можно пофантазировать и попробовать «переписать Достоевского», придумать новый вариант развития событий. Вот Настасья Филипповна идет к Мышкину, обнимает его, или просто находится рядом, благодарит... Они вместе уходят из дома Гани, женятся... и проживают свою семейную жизнь с ее обычными треволнениями. Своеобразная развилка на пути Настасьи Филипповны, но она выбрала не ту дорогу, не совершив то действие, способное изменить всю ее жизнь. Пусть Ганя недостаточен для того, чтобы переродиться с прощением и начать жить заново, но она не делает движения по направлению к Мышкину. Ей что-то явно мешает сделать это движение.

Настасья Филипповна имеет склонность к самоуничижению, невротическое чувство вины, с которым она не может справиться. Она хочет «воскреснуть», но не может. Нет в ней той доброты, о которой говорил в самом начале князь Мышкин, так что ничего просто не может быть спасено. В нашем случае с А., как милости, прощения у нее никто не просил, да и раскаиваться не собирался — как же можно говорить о прощении? А вот помиловать, оставить обидчика и идти дальше не было никакой возможности. Не хватало сил, не было того, к чему можно было идти. Точнее, было совершенное нежелание видеть. Видеть то, что ее окружало и что уже было, но не было оценено.

Настасья Филипповна, уничижая себя, говорит о себе, как об «уличной», «распутной»,

«бесстыднице», которую можно презирать. Она разрывается между двумя мужчинами, ни к одному из них не испытывая любви. Как можно любить другого, если нет этого чувства по отношению к самому себе? Если все чувства сводятся к поиску возмездия? Настасья Филипповна как будто решает, что должна быть несчастна. Раны, от которых она страдает, не уменьшатся, это тот опыт, который остается на всю жизнь. Его нельзя выбросить и забыть, с ним можно только жить изо дня в день. Вопрос только — жить как? Без своей трагичности Настасья Филипповна могла бы жить простой жизнью женщины, создать семью и родить детей. А не останавливаться на Тоцком, снова и снова переживая эту жизнь с ним. Но тут наблюдается совершенная неспособность расстаться с собой. Обратить внимание на мир вокруг, на людей, которые ее окружает, с их чувствами и поступками. Со своей трагичностью, которая стала частью ее настолько, что невозможно (как кажется) справиться с этим и идти по другому пути. Конечно, у нас всегда есть выбор. Наша Настасья Филипповна выбрала для себя такую крайность. Но она не рассматривала вариант тихой семейной жизни, для нее этот вариант кажется невозможным. Можно сказать, что Достоевский показывает нам пример «мщения всей жизнью», пример яркий и трагичный по своей сути. А. не проживает свой негативный опыт, а несет его, живет с ним изо дня в день, при этом в ней множатся желания о мести тому, кто причинил ей столько зла и боли. Она жаждет возмездия. Почему мщение становится важнее любви, прощения и близости? Жизнь Настасьи Филипповны поражает тем, что несет в себе разрушающую силу, которая губит ее; ею движет злость и ненависть. Вот что удивляет: кажется, что только этим она и жива. Это дает ей энергию, она кажется весьма живой, хотя при этом и страдающей, душой. Создается впечатление, что она не может преодолеть какой-то барьер и перейти на другую сторону, на сторону прощения, утешения и тихой любви. Вместо этого она выбирает страсти и гибель. Насильник и все плохое в ее жизни оказываются дороже, чем тихая и спокойная семейная жизнь.

А. оказалась подобной оскорбленной и неотомщенной душой: весь смысл своего существования видевшая в том, чтобы переживать свое положение жертвы, и выбравшая такой способ мщения — быть живым и публичным укором обидчику. Пусть уже умершему. Смерть оказалась вовсе не помехой в таком выбранном пути. Обидчик оказался своего рода бессмертным. Ведь всегда можно отыскать кого-то похожего, пусть не на все сто процентов, но все же. А там психика Настасьи Филипповны свяжет все в единый клубок и любви и обиды и чувства мести.

Но вот вопрос — что мешает расстаться ей с такой жизнью? Наверное, это вопрос, который следует обдумать. Ведь понять, отчего происходят те или иные вещи в нашей жизни, отнюдь не достаточно.

Тут надо учесть, что героиня рассказанной истории прожила с желанием возмездия большую часть своей жизни.

Вроде бы местами она желала выбраться, но случался рецидив, приводивший ее к разрушительным отношениям и на шаг приближавший ее к такому «самоубийству». Когда желание возмездия уходило, оно уступало место пустой, однородной, монотонной жизни, серой и эмоционально не окрашенной. А. ничто не радовало, ничто не вызывало в ней интереса. Порой ей хотелось лежать на кровати весь день и никуда не выходить. У А. было видение жизни лишь в одной плоскости. Тут было важным для нее сформулировать свои интересы, убеждения, стремления, найти то, что бы послужило ей стержнем, который помогал бы жить дальше. То, из-за чего жить по-настоящему стоило, что окрасило бы жизнь и вывело бы ее из одной плоскости на способность видеть жизнь в ее объемном изображении. То, что не смогла отыскать в себе Настасья Филипповна. То, что может заменить то внутреннее желание возмездия. То, что оказалось бы сильнее желания мести, что помогло бы от него отказаться и выбрать окончательно другой путь. Для такого клиента важно построение жизненной перспективы. Была ли она когда-то? Может быть, она даже не была сформирована. Важно было обратить внимание, что А. никогда не предпринимала попыток суицида, но она упоминала о желании что-то с собой сделать. Мы разговаривали об этом. Что значит смерть для нее? Как она представляет жизнь без нее? Она вспомнила дорогих ей людей (как выяснилось, такие все-таки были в ее окружении), стала плакать. Она бы не хотела их оставлять. А что есть в ее жизни еще? Творчество. Творчество как одно из интересных ей вещей. Она бы хотела продолжать это делать. Постепенно, шаг за шагом, она находило то, что было ей интересно. Точнее, стала обращать внимание на это, смещать фокус и выделять интересное, постепенно выходить из того одномерного пространства, куда сама себя поместила. Речь идет о постепенном построении новой жизненной перспективы, построении новых жизненных планов, формулировании целей, расширении жизненного пространства, придании своей жизни некой многомерности. Это целый ПРОЦЕСС. Ведь так непросто избавится от того, что сопровождало тебя практически всю жизнь — это почти как учится жить заново со старыми шрамами.